

Оторваться от земли, подняться в небо, рвануться к солнцу дано не каждому. Надо быть дерзким, надо иметь пагубную страсть, которая дана от рода, от предков. Действительно, «если б не было Икаров, то, может, не было и нас...». Петр Дедов всю сознательную жизнь писал прозу, автор известных книг в Советском Союзе, в России и за рубежом (в Болгарии, Венгрии, Германии), в частности, трилогии «Светозары», но вот выходит в 2006 году сборник стихотворений «Лебединый клик», в котором более ста стихов. По ним узнаётся автор, его корни и пристрастия, чем жил, что любил и что ненавидел. В предисловии писатель, удивляясь самому себе, говорит, что «именно поэзия была мне всегда ближе, что называется – «под рукой и позволяла выплеснуть немедленно то, что накипело на сердце, что увиделось в жизни, что обрадовало или огорчило...». На восьмом десятке лет писатель пришёл к выводу, что поэзия для прозаика – «его второе дыхание». Неслучайно такое признание состоявшегося художника слова, который знает цену русской речи, имеет в своём багаже десятки и сотни стихов, басен, од... Главным подспорьем в

работе писателя были собранные им пословицы, поговорки, присказки, частушки, побасёнки, легенды, народные песни, притчи ... Это неисчерпаемый источник русской нации, отсюда черпает вдохновение поэт, зарождаются новые мелодии, образы.

Петру Дедову не занимать темы, не надо искать сюжеты своих повествований. Они даны ему по наследству от предков, от древней родины Кулунды. «Пишу о том, что прожил...» А песня – была рядом, звучала в свисте крыльев низко летящих над камышами утиной стаи, в свирепых завываниях зимней падевы, в хрустальном перезвоне промёрзших колокольчиков, в рвущих сердце грустных мотивах старины. «Долгая, проголосная песня» слышится под тальянку погибающему адмиралу, славит стихотворец и сибирского всенародного гармониста: «И сверкнул звездой падучей, / Чтоб сказать, как хороша, / Как светла и как певуча / Наша русская душа!» («Памяти Геннадия Заволокина»). К русской народной песне сердцем прикипел Дедов, это любовь на всю жизнь. Ритмы сибирских песен, бывалок, частушек постоянно встречаются в его стихах и повестях.

Много дорог прошёл писатель-поэт по степям Кулунды, Барабы, встречаясь с пахарями земли сибирской, знающими, помнящими времена лихолетья гражданской смуты. Удивляли его беспокойные души, равнодушные к своей земле, которые, «не зная всю жизнь покоя, с ветрами ведут бои...». В старинных деревнях, на заимках, в охотничьих избушках, а то просто у костра приходилось беседовать с людьми, вести записи о рядовых и заурядных героях многих событий.

Урман, Васюганье... «Идешь, бывало, весной болотной тропюю – тишина, глушь, мшистая лабза проседает под сапогом, словно ступаешь по панцирной сетке, и впечатление такое, что идешь все время в гору. А чуть оступился с тропы,

– жадно и холодно схватит ногу бездонная тряпина, пузыряться, захлебываясь от счастья, потянет вниз...». «Удивительна, ни с чем на свете не сравнима по своей первобытной страсти любовная песнь глухаря – потаенной и древней птицы!» «Да что... в тех местах еще и диких гусей, журавлей, а то и лебедей увидеть можно. Клик-клан! Клик-клан! Зазвенит вдруг в весеннем небе лебединая песня – и первородным восторгом отзовется в груди». «Поэзией степного раздолья овевая Кулунда...». Проза насквозь пронизана солнечными лучами счастья – жить на этой земле!

Полынный край, солончаковый... Здесь рождаются поэты, отсюда льются ручейки детской речи, это родина смелых, вольнолюбивых чалдонов – простых мужиков-хлебородов, творцов своей жизни. «Эвон, сколько земли, сколько воли вокруг – только знай работай – на всех хватит земной благодати!» Широка душа, размашиста, щедра талантами!

В стихах «Детство», «Раздумье», «Березы», «Журавли», «Русские мелодии» Петр Павлович Дедов глубоко признателен своей родимой сибирской земле, где он был обучен всем работам с детства, благодарен судьбе за то, что «в огне беспощадного века» рабочим жил человеком. В своей силе природной он уверен, так как оступаться в жизни ему нельзя – «я из тех, кто зовется народом».

Лирический герой, он же и автор, ненавидит жизнь «бродячих покойников», которым – «уютно и спокойненько, урвать бы за столом бараний бок...». Наследство у таких невелико. Это «домашние гуси», «иной раз поднимется вышезданий – и плюхнется в траву, как пуховик». Редко загорится у них кровь, «сердца подернуты жирком». А чему завидовать, так «соколу – быстрокрылой и дерзкой птице, облаку, дубу могучему, но никакому гаду ползучему». Дедов верен великой традиции: положить всего себя за землю русскую!

Остро, прямо задаются современникам вопросы в пронзительных строках «Мой город», «Поле», «Работа», «В командировке». Горько видеть запустелые деревни, «глушь – без конца и без края...»:

Москва ликует в диком исступленье,

Богатством изумляя белый свет.

Но за село, за это преступленье,

Кто нынче должен понести ответ?

А ты, живой, имеешь свое поле,

Которое продолжит кто-нибудь?

Не сегодня, так завтра ответить придётся каждому, живущему и работающему на земле.

Всё внимание у него сосредоточено на жизни трудового люда, он вершитель судеб, двигатель истории, а не Ленин и Колчак. «Я читал, не помню, у кого-то, / Что придут такие времена, – / И забудут люди запах пота: / Техника заменит их сполна. / С автором восторг я разделяю. / Только грустно станет иногда / Мне за тех, кто сроду не познает / Радости тяжелого труда». Время бешено меняется, ломается перестройками, реформами, новациями, но растёт уверенность, и она неколебима – «что придёт срок и для любого «господина» найдётся русская дубина». В этом твёрдо убежден поэт.

Мотивы Пушкина, Есенина, Маяковского постоянно чувствуются в лирике Петра Дедова, и это неудивительно для человека совестливого, крепкими, мощными корнями связанного с родиной и русским народом. «Элита – это простой человек, народ», «я русский...» – неоднократно утверждал писатель, подчёркивая в себе стойкость характера, несгибаемую волю к выбранному пути. Подстраиваться под рынок он не мог и не хотел, сломать его было невозможно. Он питался соками своей родины, верил, что «И несказанным светом / Разбудит в сердце грусть / Воспетая поэтом / Березовая Русь».

Любимые слова Дедова – мать, любимая, берёза, хлеб, тишина, лебедь. О красоте русской женщины, верной своему долгу, не устаёт находить поэт сокровенные слова признания в любви к ней, сравнивать её с чертами родины, России: «...у березы... У зари, у сказочной жар-птицы, – что-то есть, родная, от тебя». Открыто любимой сердце поэта: «Ты моей судьбою в жизни стала, / Воплощеньем Родины святой». И когда «плачет снег / Под тяжестью шагов», «он знает: милый огонёк / Его за далью ждёт».

«Я другую люблю тишину, трудовую, / Что поэту нужна при рождении песен». Тишина русского поля, ночной деревни незаменима ничем и никогда. Она наполнена запахами скошенной травы, цоканьем белки, тяжким рокотом работающих машин. «...звонкая от мороза тропинка под их шагами так и пела, заливалась на всю округу – такая была тишина». «Неужто думают, что даром / Отдам я эту тишину?» – резонно говорит поэт.

Удивительно сложены простые слова в коротких стихах о природе, то глазами ребёнка («Светлый вешний ливень...»), то зорким оком мудрого человека:

*...А туман, как половодье, грозный
Стал в лесу затапливать березы:
Вот по пояс, вот уже по плечи, –
Будто вечер
На ночь гасит свечи.*

Многие страницы прозы писателя наполнены поэзией, яркими точными сравнениями, какой-то былинной раскачкой повествования, повторами, умением вложить в период (развёрнутое односложное предложение) неповторимость момента жизни, особую доброту и щедрость на красоту. В стихах ему всё-таки было тесно. Надо иметь божий дар, что-

бы сказать так образно и с любовью о родной речке Тартас, окуне или другой таёжной живности:

«Туман не туман – тяжелая испарина висит над болотом, и когда из-за облаков показывается ущербный месяц, зелено светится этот гнилой вонючий чад – красиво даже».

«Попался крупный окунь. Выхваченный из воды, он ошетинился всеми ярко-рыжими плавниками, пошел колесом по снегу, радужно сияя зеленоватыми с синим отливом боками, – нарядный, яркий, как весенний петух».

«Бурундук стреканул на сосну, замелькал меж ветвей арестантским халатиком».

«А тихоня-то, тихоня! Упадет с дерева хвоинка – и тонкая рябь долго идет кругами по воде, ломая отражения прибрежных камышинок...».

«Куцый поползень в купеческой жилетке черного бархата таскает в дупла и прячет за отставшую кору на стволах орехи и семена кленов. День-деньской шустро снует вниз головой по сучьям, и даже задиристые синицы при встрече уступают ему дорогу – ничего не поделаешь, ловкач, акробат, а в лесу к мастерам своего дела относятся с уважением».

Кажется банальным название стихотворения – «Туристская песня» (как и многие на первый взгляд, например, «В командировке»), ждёшь обычного перебора струн гитары у костра, уставших путников, полной душевной расслабухи. Но первые хорошо спрессованные строфы рождают в душе ветер странствий, мечту о «бури по плечу». «Чтоб не из окна вагона / Землю наблюдать, / А руками все затронуть, / Сердцем испытать. / Чтобы вместе с пастухами / Греться у костра, / А потом всю ночь стихами / Бредить до утра».

Особая тема – незаживающая рана – война, детство, доля материнская в стихах «Вдовы», «Мать», «На майские ливни косые», «Памятник в Чернигове», «Осень в Подмосковье».

«И если б дружил я не с лирой, / А мог бы искусно ваять,
– / Я б вылепил символом мира / Рабочую женщину-мать.
/ Чтоб в бронзу отлитой стояла, / Как правда и совесть лю-
дей... / Хотя не найдется металла, / По твердости равного
ей...». Много пережито, выстрадано. Русский плотью и
духом, он вынес на себе выпавшую ему горькую долю, не
согнулся, не озлобился, а только более утвердился в чест-
ности и правоте своей жизни, в том, что правда, совесть и
труд – основа жизни его. Стойкость, мужество, бесстрашие
перед опасностью передано русскому человеку интуитивно
от древнего корня предков, ищущих себе волю, свободу не в
бою с врагами, а в твёрдом убеждении цельности характера
мирного, созидającego. Даже «уборка надвигается на город,
как война...». На войне страшно, правда. Но глаза боятся, а
руки делают. Чувствуя за собой великий народ, огромную
историю, русский человек никогда не будет побеждён. В
прямом обращении к современнику-товарищу, «к солнцу
незакатному» поэт взывает к единению, осознанию своей
участи: «И разве предки не одни у нас? / И разве не одной
сильны мы силой? / Не лучше и не хуже прочих рас / Есть
раса наша русская – Россия!» Каждое стихотворение сборника
наполнено раздумьем, ясной, выверенной жизненным опытом
мыслью, характером открытым, крутым. Планка высокой
требовательности искусственно не завышается, она перво-
зданно такая от рождения, и её изменить – по совести – не
может художник. Не в рабской покорности и терпении, не в
бесплодной мечтательности, красноречии и мышинной суете
видится ему настоящий человек, а в упорном труде вместе с
простым народом, в творчестве, в национальной гордости,
что ты русский, любишь язык свой, родную землю.

Вторая часть сборника «Всё это было бы смешно...» от-
крывает новую сторону творчества Петра Дедова. Здесь
собраны басни, двустушия, четверостишия... В них лёгкий

добродушный юмор, едкая сатира, острая критика пороков человека и общества, ненависть к пьянству и к пошлой скуке жизни, беспощадное обличение пустой души, праздности и «свинства». Без этого предназначения не мыслит себя писатель, поэт, труженик.

Таково его «второе дыхание». В нём воплотилась жизнь писателя, поэтическая струна высокой доли русского человека, не только знающего людей, но, главное, умеющего выразить это словом – в метафорах, в эпитетах, в сравнениях: «В щепках весь, как в серебристых латах», «По камням птицей молодой речушка в озеро летела», «Среди чернолесья пробиваются тонкие березки – как проседь в волосах...», «Шея старушки – длинная, бледная, морщинистая, как капустная кочерыжка», «Девка – что печь русская... Одно слово – масса...». Без поэтического восприятия реальности, без лирики невозможно ощутить прелесть русского языка Петра Дедова, его природный талант сказать своё слово о непридуманной жизни простого народа.